

Паланкин Танкуоля торопливо следовал на север по огромным туннелям Подземного Пути. Этот участок великого пути, что лежал под основанием гор Края Мира, был почти полностью пуст. В обычное время Танкуоль бы нервничал, путешествуя по этим опасным коридорам со столь малым числом телохранителей. Он легко мог подвергнуться нападению орков, гоблинов или военных отрядов гномов, пытающихся отвоевать какую-либо часть своих древних владений. Однако в этот момент серый провидец был слишком разъярён, чтобы нервничать.

В отчаянии он жевал свой хвост. От своего прислужника Ларка он знал, что воздушный корабль отбыл из Мидденхейма и направился на северо-восток. Хныкающий негодяй умудрился сообщить, что, прежде чем снова совершить посадку, они пролетели над водой, а местность под ними всё это время выглядела пустой и унылой. К счастью, Танкуоль был путешественником с внушительными познаниями, и он определил, что местом назначения воздушного корабля может быть только страна, известная людям, как Кислев.

Он понятия не имел, что могло понадобиться глупым гномам в этом варварском месте. Возможно, они слышали слухи о золоте или древних сокровищах. Несмотря на то, что расу гномов Танкуоль углублённо не изучал, он достаточно знал о них, чтобы сделать подобное предположение об их наиболее вероятной цели. К несчастью, серый провидец понятия не имел, куда их может, в конечном счёте, занести, а также сознавал, что воздушный корабль перемещается гораздо дальше и быстрее, чем Танкуоль при нормальных обстоятельствах способен его преследовать.

Танкуоль уже почти склонился к тому, чтобы приказать Ларку найти какие-нибудь способы произвести саботаж на воздушном корабле, дабы дать ему время догнать их. Помешало лишь одно обстоятельство. Значительный опыт серого провидца подсказывал, что прислужник-идиот вроде Ларка сделает что-нибудь неправильно и либо убьётся сам, либо уничтожит воздушный корабль, которым столь сильно стремился завладеть Танкуоль. Нет, отдать подобный приказ — крайнее средство, и Танкуоль решил, что испробует его, когда действительно придёт в отчаяние. Перед этим ему следует использовать любые другие имеющиеся возможности.

Танкуоль прикинул возможные варианты. Вероятно, ему следует связаться с предводителями клана Творцов. Их могучая крепость Адская Яма, расположенная в северном Кислеве, была ближайшим оплотом скавенов на вероятном маршруте воздушного корабля. Для кого-либо менее рассудительного, чем Танкуоль, этот план мог показаться мудрым. Даже могущественный — каковым он вне сомнения является — серый провидец был вынужден признать, что собственноручный захват воздушного корабля, вероятнее всего, ему не по зубам. Потребуется помощь, даже если это означает, что нужно идти, поджав хвост, к мастерам-погонщикам{21} клана Творцов. Но у него также возникла мысль, что не мудро будет посвящать тех во все детали его плана, так как они могут попытаться захватить воздушный корабль самостоятельно. Без его руководства неумелые дурни, каковыми они являются, несомненно, потерпят неудачу.

«Нет, — решил он, — лучшее, что он может сделать — бежать на север как можно быстрее, и надеяться, что произойдёт нечто, что задержит гномов до его прибытия». Танкуоль высунулся из окна паланкина и прочирикал носильщикам, чтобы удвоили свои усилия. Опасаясь праведного гнева своего хозяина, те побежали ещё быстрее, стеноя под весом своей ноши и всего магического оборудования серого провидца.

Феликс всегда думал, что Кислев — страна льда и снега, где зима никогда не заканчивается, а население ходит постоянно закутанным в шкуры. Земля под воздушным кораблём чрезвычайно отличалась от подобного предположения. Она представляла собой равнины, поросшие высокой травой, чередующиеся с густыми сосновыми лесами. Минутное размышление подсказало ему,

что так и должно быть, ведь Кислев — страна, знаменитая своими наездниками на лошадях, чего довольно сложно было бы достичь, если бы те жили среди бесконечных снежных сугробов.

Феликс должен был признать, помимо прочего, что солнце сияло ярче, чем в это же время в Империи. Кислевитское лето хоть и короткое, но жаркое. Феликс прикидывал, является ли частью плана Борека отправиться на север прежде, чем штормовые зимние ветры смогут угрожать продвижению воздушного корабля. Феликс бы не удивился, обнаружив, что так и есть. Находчивость и мастерство, с которыми была спланирована экспедиция, разительно отличали её от его странствий с Готреком по воле случая. Во время своих путешествий они, когда вздумается, просто снимались с места, что в любом случае происходило, случись им поиздержаться. Подобное явно не относилось к типичному поведению гномов, однако едва ли беспокоило Готрека.

Феликс заметил, как стадо оленей, напуганное протянувшейся тенью воздушного корабля, принялось скакать прочь. Охотники привстали с корточек и прикрыли глаза, уставившись на чудо — пролетающее судно. Один из них, более смелый или менее напуганный, чем остальные, метнул своё копье, но оно пролетело далеко под судном и упало, отметив место своего падения колыханием высокой травы.

Имелись достаточные основания лететь ниже уровня облаков. Из каждого иллюминатора и через большие окна командной палубы выглядывали наблюдатели. Они были недалеко от места назначения, и всем было приказано высматривать большую усадьбу отца Ульрики. Штурманское искусство Макайссона довело их до местности. Теперь гномы поделили поверхность земли на участки, выискивая конкретную точку, где сделают конечную посадку перед отправлением в Пустоши Хаоса.

Пока им удалось заметить редких охотников и отдалённую деревню, над которой лениво курился дым из отверстий в покрытых дёрном крышах крестьянских бревенчатых изб. Появление корабля заставило жителей деревни бросить сбор урожая и бежать на сбор внутри стен деревни — они, несомненно, посчитали воздушный корабль неким новым проявлением Хаоса, прибывшим потревожить их земли.

Феликс всё ещё удивлялся, насколько быстро они совершили перелёт. На путешествие, которое заняло бы месяцы по суше, им потребовалось всего несколько дней, и большую часть этого времени они провели в розысках усадьбы боярина в этом травяном море. Несомненно, гномья инженерия — наиболее мощная форма магии.

— Там! — услышал он крик Ульрики и, повернувшись, увидел, как она указывает на что-то вдалеке. Оно находилось в тени удалённой цепи тёмных и угрожающих гор. Феликс обнаружил, что у Ульрики, должно быть, острое зрение. Всё, что мог разглядеть он — неясное дымчатое пятно.

Руки Макайссона повернули штурвал, и нос корабля развернулся в направлении, указанном женщиной. Гном двинул рычаг высоты, и судно быстро пошло вниз, заставив стайки испуганных птиц выпорхнуть из высокой травы. Пока горы приближались, Феликс удерживал взгляд в направлении, указанном Ульрикой. Медленно в поле зрения оказалось большое и длинное здание. К его удивлению, внутри массивных стен усадьбы, подле дома находилась высокая башня — уменьшенная деревянная версия стальной махины, что возвышалась над Одинокой Башней.

Значит, это и есть то место, где они сойдут на землю. Оно вполне может оказаться последним обиталищем людей, которое Феликс когда-либо увидит.

Отец Ульрики был огромен, как медведь, на голову выше Феликса. У него была длинная и седая борода, но голова была выбрита, за исключением единственного чуба. У него были такие же потрясающе голубые глаза, как у его дочери, а зубы были жёлтыми. Тело облегал толстая кожаная рубаха. Нижнюю часть тела закрывали грубые матерчатые штаны, за исключением тех мест, где ноги закрывали высокие сапоги для верховой езды. На толстом кожаном ремне были подвешены короткий и длинный мечи. Множество амулетов побрякивало на железных цепях вокруг его шеи.

Он быстрым шагом проследовал к подножию башни, где ожидали гномы. Позади него в ритуальном приветствии поднимала своё оружие шеренга бойцов. Мужчина склонился над Ульрикой, прижал её к своей могучей груди, затем поднял с ног и закружил вокруг, как малого ребёнка.

— Добро пожаловать домой, любимая дочурка! — закричал он.

— Славно оказаться дома, отец. А теперь опусти меня и поприветствуй наших гостей.

Пожилой мужчина резко рассмеялся и затопал туда, где в ожидании стоял экипаж корабля. Он остановился, едва не заключив гномов в объятия. Вместо этого он низко поклонился в гномьей манере, продемонстрировав обширную талию и удивительную гибкость для своего возраста.

— Борек Вилобородый! Рад тебя видеть. Заверяю, ты найдёшь всё, что запрашивал.

— Я уверен в этом, — произнёс старый гном, кланяясь почти столь же низко.

— Готрек Гурниссон, добро пожаловать. Прошло много времени с тех пор, как ты почтил мой дом своим посещением. Я рад видеть, что тот топор всё ещё при тебе.

— Я рад вернуться, Иван Петрович Страгов, — произнёс Готрек своим наименее угрюмым тоном.

Феликс предположил, что Истребитель почти рад свиданию с кислевитом.

— А это кто же? Снорри Носокус? Я должен проследить, чтобы на твоём столе поставили ведро водки. Добро пожаловать!

— Снорри думает, что это хорошая мысль.

Один за другим все гномы поздоровались и были представлены, затем Ульрика подвела своего отца туда, где стоя ожидали Феликс и волшебник.

— И, отец, это Феликс Ягер из Альтдорфа.

— Рад знакомству с вами, — сказал Феликс, протягивая руку.

Страгов проигнорировал её, склонился к Феликсу, приветственно сжал его в объятиях, а затем расцеловал в щёки.

— Добро! Добро пожаловать! — заорал он в ухо Феликсу, достаточно громко, чтобы оглушить.

Прежде чем Феликс смог ответить, его оставили, и старик проделал то же самое со Шрейбером.

— Благодарю вас за столь восторженное приветствие, сударь, — произнёс волшебник, когда

смог восстановить дыхание.

Феликс переглянулся с Ульрикой, затем с удивлением уставился на шеренгу воинов, которые выстроились вдоль дороги к дому. Иван Страгов, возможно, выглядел и вёл себя, как варвар, но не было сомнений в том, что на собственной земле он — могущественный военачальник. В качестве почётного караула выступала сотня всадников. У всех были обветренные лица и холодный взгляд, и похоже, что они умели обращаться с тем хорошо заточенным оружием, которое демонстрировали гномам. По словам Ульрики, здесь было ещё девять сотен неистовых всадников, которые поклялись в верности её отцу. Боярин Пограничья — явно важная должность. Феликс предположил, что так и должно быть, раз уж тот командует первой линией обороны от полчищ Хаоса.

— А теперь мы поедим! — загрохотал Страгов. — И выпьем!

За стенами усадьбы были установлены огромные столы. Мелкие должностные лица со всех окрестностей были приглашены на банкет — подивиться на гномий воздушный корабль. В огромных очагах на вертелах были зажарены олени. Блюда были завалены грубым чёрным хлебом и сыром. Огромные бутылки с обжигающим спиртным, которое Снорри опознал, как водку, были установлены подле каждого блюда. Как и было обещано, подле Снорри поставили ведро этого пойла.

Феликс последовал примеру местных и осушил свою рюмку одним быстрым глотком. У него возникло ощущение, что он проглотил расплавленный металл. Похоже, пары чего-то кислотного обожгли внутренность его гортани и вышли через ноздри, вызвав слёзы на глазах. По ощущениям, он, должно быть, вдохнул огонь, и единственное, что оставалось — сдерживаться и не выплеснуть всё обратно. Феликс предполагал, что подобное поведение вряд ли будет здесь уместно.

Он был рад, что сдержался, потому как обнаружил, что все наблюдают, как он воспримет свою первую пробу спирта.

— Ты пьёшь, как подобает настоящему крылатому гусару{22}! — проревел Страгов, и за всеми столами застучали своими стаканами по столам в знак согласия.

Хозяин дома потребовал, чтобы все наполнили свои стаканы, а затем прокричал:

— За Феликса Ягера, который прибыл из страны наших союзников — Империи!

Разумеется, Феликсу ничего не оставалось, как предложить ответный тост за древнюю дружбу между его народом и народом Кислева. Вскоре присоединились гномы. Феликс отметил, что по желудку разлилась приятная теплота, и немного онемели его пальцы. Водку стало пить легче — осушив больше рюмок, он перестал ощущать чувство, что та обжигает его гортань.

Поглощались горы продовольствия. Тост следовал за тостом. До темноты произносились длинные речи о дружбе и гостеприимстве. Где-то по ходу вечера Феликс утратил последовательность событий. Его голова кружилась от водки, и он был лишь смутно обеспокоен тем, что слишком много ест, слишком много пьёт, и подпевает песням, слов которых не знает. В какой-то момент вечера он был уверен, что танцевал с Ульрикой, прежде чем ту увлёк на танец Шрейбер, а затем в какой-то момент после этого его тошнило за конюшнями.

Потом он уже ничего не помнил, и большая часть воспоминаний была утрачена по вине водки и гостеприимства кислевитов. Всю свою оставшуюся жизнь Феликс был не совсем уверен, с

кем разговаривал, что говорил, и как попал в комнату, что отвели для него. Однако впоследствии он был всегда рад тому, как поступил в тот день.

На следующий день Феликс проснулся с ощущением, что лошадь лягнула его в голову. «Возможно, так оно и было», — подумал он, обследовав голову на предмет синяков и ничего не заметив. Он осмотрел помещение и увидел, что полом была утрамбованная земля. Матрас был набит соломой, и кто-то набросил на него толстое лоскутное одеяло. Ночью он обслюнявил свою подушку, и мокрое пятно указывало, где располагалась его голова. По крайней мере, Феликс надеялся, что подушка всего лишь обслюнявлена.

Он поднялся на ноги и пытался припомнить, действительно ли в какой-то момент прошлого вечера он вызвал Снорри Носокуса на борцовский поединок. Его воспоминания на этот счёт были смутными, возможно, это ему всего лишь приснилось. Ощущений в перекрученных конечностях было достаточно, чтобы предположить, что Феликс участвовал в подобном дурацком занятии. Возможно, так и было.

Самое неприятное в по-настоящему крутой пьяной пирушке — никогда точно не помнишь, о чём говорил, кого мог оскорбить, кого вызывал на дурацкие поединки. Ты попросту совершаешь безумные поступки. В этот миг Феликс раздумывал — правда ли то, что алкоголь — это дар Тёмных Богов Хаоса, предназначенный делать людей безумными, как заявляют некоторые из культов в Империи, проповедующие умеренность в потреблении горячительных напитков. Хотя сейчас подобное его не беспокоило. Феликс просто полагал, что никогда снова даже не притронется к выпивке.

Раздался стук в дверь. Феликс распахнул её и прикрыл глаза от неприятного дневного света.

— Поразительно, — сказала Ульрика вместо приветствия. — Ты на ногах. Не думала, что такое возможно после того количества водки, что ты проглотил прошлой ночью.

— Столь впечатляюще, а?

— Все были под впечатлением. В особенности от того, как ты карабкался на башню воздушного корабля, пока декламировал одну из своих поэм.

— Что я сделал?!

— Я всего лишь шучу. Ты только лишь вскарабкался на башню. Большинство считало, что ты свалишься и сломаешь себе шею, но нет...

— Я действительно забрался на башню?

— Разумеется, ты что, не помнишь? Ты поспорил со Снорри Носокусом на золотой, что сможешь. В какой-то момент ты собирался проделать это с завязанными глазами, но Снорри решил, что это будет нечестное преимущество, потому как не имея возможности видеть землю, ты будешь не столь напуган. Это случилось как раз после того, как ты проиграл серебряную монету, борясь с ним на руках.

Феликс застонал:

— Что я сделал ещё?

— Когда мы танцевали, ты сообщил мне, что я самая прекрасная женщина из тех, кого ты когда-либо видел.

— Что? Прости меня.

— За что! Ты был заправским льстецом.

Феликс почувствовал, что краснеет. Одно дело льстить прелестной женщине. И совсем другое — не помнить о том, как это произошло.

— Что-нибудь ещё?

— Для одной ночи этого не достаточно? — улыбнулась она.

— Полагаю, вполне.

— Тогда ты готов прокатиться верхом?

— А?

— Ты говорил мне, что ты искусный всадник, и согласился этим утром прокатиться со мной верхом. Я покажу тебе окрестности поместья. Прошлой ночью ты воспринял это весьма воодушевлённо.

Феликс представил себя пьяным и разговаривающим с невероятно привлекательной женщиной. Он предположил, что если бы она предложила показать ему свинарники своего отца, то в том состоянии алкогольного опьянения он встретил бы подобное предложение с энтузиазмом, заслуживающим доверия.

В действительности, он проявил бы по этому поводу воодушевление в любом состоянии, кроме теперешнего. С похмелья даже вид Ульрики Магдовой представлялся менее восхитительным в сравнении с перспективой завалиться на боковую.

— С нетерпением жду увидеть тебя на спине лошади. Это, должно быть, впечатляющее зрелище.

— Должно быть, я преувеличил свои способности наездника.

— Ты умеешь ездить верхом?

— Мм... да.

— Прошлой ночью ты утверждал мне, что можешь скакать верхом столь же хорошо, как любой кислевит.

Феликс снова застонал. Какой демон овладел его языком, пока он был под воздействием водки? Что ещё он сказал? И зачем он так напился?

— Готов ехать?

Феликс кивнул:

— Просто дай мне сначала умыться.

Широким шагом он вышел во внутренний двор. Снорри Носокус лежал, навалившись на стол, с ведром на голове. Готрек храпел, лёжа в дымящихся останках одного из костров, расслабленно сжимая в руках свой топор. Феликс прошёл к водяному насосу, подставил под него голову и

начал работать рычагом. Холодные струи вызвали дрожь по позвоночнику. Он запыхтел и выдохнул, продолжая качать, надеясь отогнать похмелье причинением себе значительной боли.

Действительно ли он всё это говорил, или Ульрика Магдова подшучивает над ним? Феликс полагал, что весьма легко поверить в то, что он сказал ей о том, как она прекрасна. Он думал об этом достаточно часто за последние несколько дней. Феликс знал, что, будучи основательно пьян, имеет склонность к излишней болтливости. С другой стороны, казалось едва ли возможным, что он залез на причальную мачту воздушного корабля, раз был настолько пьян, что такого не припоминает. Это было бы безумно неосторожным деянием. «Нет, — решил он, — подобное попросту невозможно. Ульрика шутит».

Снорри поднял голову из ведра. Затуманенным взглядом он посмотрел на Феликса.

— Что касается того золотого, что Снорри тебе задолжал...

— Да? — тревожно спросил Феликс.

— Снорри заплатит тебе, когда мы вернёмся из Пустошей Хаоса.

— Это выглядит разумно, — произнёс Феликс и поспешил в сторону конюшен.

Феликс откинулся назад в седле и повращал головой, чтобы снять оцепенение в шее. Он смотрел вниз с вершины возвышенности — туда, где небольшие ручьи прорезали обширную равнину. Местность внизу почему-то оказалась болотистой, и яркие птички сновали туда-сюда в камышах. Феликс полагал, что заметил нескольких лягушек, прыгнувших в воду. Стрекозы проносились мимо его лица, как и другие крупные насекомые, которых он не распознал. Некоторые из них имели яркие цветные панцири с металлическим отливом, гораздо более впечатляющие, чем у любых насекомых, когда-либо им виденных. «Возможно ли, что это, некоторым образом, следствие близости Пустошей?» — раздумывал он.

Феликс бросил взгляд на свою попутчицу и улыбнулся, радуясь, что, в конце концов, оказался здесь. Сперва верховая езда воспринималась, как особо изощёренная форма пытки, движение лошади вызывало спазмы протеста в ослабленном желудке Феликса. Он проклинал женщину, её скакуна, свежий воздух и яркое солнце — приблизительно в таком порядке. Но, в конце концов, физические упражнения и солнечный свет возымели над ним действие и загнали его похмелье в смутные тайные убежища внутри его черепа. Он обнаружил, что начинает интересоваться пейзажем и даже наслаждаться ощущением скорости, ветра на лице и солнечных лучей на коже.

Женщина скакала легко, словно родилась в седле. Ульрика была кислевитской аристократкой, и это подразумевало, что она начала ездить верхом с тех пор, как научилась ходить. Она не сказала ни слова с момента, как они отправились, с видимым спокойствием несясь вскачь под необъятным чистым небом. Затем они достигли этого небольшого холмика и по молчаливому согласию остановились.

Вдали, за ручьём, тёмные горы угрожающе надвигались на горизонте, их огромный массив казался высеченным из обнажившихся костей земли. Горы выглядели более пустынными, чем любое другое из посещённых им мест. Снег не покрывал их суровые вершины, но там был намёк на что-то другое, вроде маслянистой плёнки, цвета которой менялись и переливались в свете солнца. Горы навевали зловещую угрожающую атмосферу, указывающую на то обстоятельство, что за ними лежат окраины Пустошей Хаоса.

— Что это за перевал? — спросил Феликс, указывая на север, на огромный пролом, выглядящий, словно вырубленный неким гигантским топором в горной цепи.

— Это перевал Чёрной Крови, — тихо сказала Ульрика. — Один из главных путей в Пустоши и причина, по которой Царица разместила здесь нашу сторожевую заставу.

— Часто ли проходят этим перевалом Тёмные Силы?

— Невозможно предугадать, ни когда они придут, ни даже какими они будут. Иногда это огромные всадники в пластинчатой броне. Иногда это зверолоуды, с головами животных и вооружением людей, а иногда другие искажённые и деформированные создания, что ещё хуже. Тут не прослеживается ни закономерности, ни смысла. Не имеет значения, лето ли в разгаре или глубокая зима — они могут прийти в любое время.

— Я никогда не мог понять, как именно действует Хаос. Возможно, об этом тебе стоит поговорить с господином Шрейбером.

— Возможно, но я сомневаюсь, что даже теории Макса могут это объяснить. Лучше просто держать дозорных у сигнальных огней, оружие наточенным и быть готовыми к сражению в любой момент.

— Сигнальные огни?

— Ага, имеется система сигнальных огней, протянувшихся от перевала. Когда они зажигаются, все жители узнают, что нужно бежать в свои деревни и закрывать ворота, а все гусары понимают, что пора собираться у дома моего отца.

— Дым — днём, огонь — ночью, — прошептал Феликс.

— Да.

— Ты живёшь в пугающей стране, Ульрика.

— Ага, но она также и прекрасна, не так ли?

Феликс поглядел на неё и на земли вокруг, кивая своей головой. Он заметил, что зрачки её глаз расширились, а губы немного приоткрылись. Ульрика легко склонилась в его сторону. Феликс вполне понял намёк.

— Так и есть. Как и ты.

Он наклонился в её сторону. Их руки встретились и пальцы переплелись. Губы соприкоснулись. словно электрический ток прошёл через Феликса, но это закончилось почти столь же быстро, как и началось. Ульрика отстранилась и натянула вожжи своей лошади.

— Уже поздно. Мы с тобой скачем наперегонки назад в особняк, — заявила она, внезапно развернула своего скакуна и поскакала. Чувствуя больше чем лёгкое разочарование, Феликс пустился в погоню.

Ларк торопливо бежал по верхней части гондолы. Он был счастлив, имея в запасе много времени. Было темно, и незначительный экипаж, оставленный на воздушном корабле, в большинстве своём спал, за исключением гномов на командной палубе. Остальные находились внизу — пьянствовали, веселились и распевали дурацкие песни людей. В трюме было изобилие

продовольствия, и пока не было никаких признаков, что его присутствие обнаружено. Теперь, когда Ларк стал ощущать себя более расслабленно, он смог потворствовать любопытству, которое было ещё одной характерной чертой скавенов. Он крался по воздушному кораблю, обследуя все углы и щели, и обнаружил несколько весьма занимательных вещей.

Он обнаружил гибкий металлический туннель, что вёл в большой шар над головой. Туннель проходил прямо через внутренность аэростата и приводил на небольшую смотровую палубу в верхней части. Там имелся люк, который выводил наверх. Сам аэростат был покрыт паутиной переплетённых верёвок, за которые можно было держаться.

В кормовой части воздушного корабля было помещение, в котором находилась одна из тех небольших летающих машин, что помогли разбить силы скавенов в бою у Одинокой Башни. Тут находился огромный люк и пандус, которые, похоже, были спроектированы, чтобы выводить летающую машину наружу. Если бы только Ларк знал достаточно, чтобы летать на этой штуке, он мог бы украсть её и героем вернуться в Скавенблайт. Влечение к тому, чтобы встать за управление, начать щёлкать переключателями и двигать рычаги, было почти неодолимо. Ларк всерьёз рассматривал идею, однако во время последнего сеанса связи серый провидец дал ему весьма конкретные указания.

Ларк не должен делать ничего и не должен трогать ничего без особых инструкций Танкуоля. Слова серого провидца были довольно оскорбительны, так как подразумевали, что Ларк — идиот, который без руководства Танкуоля, вероятнее всего, сделает что-нибудь крайне катастрофическое. Ларк подумал, что для Танкуоля это почти столь же естественно, как для него быть самим собой. Лишь волшебнику со способностями Танкуоля могло втемяшиться в голову разговаривать с Ларком подобным образом.

Нет уж, он просто будет сидеть ровно и ничего не делать, пока не получит приказы. Не остаётся ничего, кроме как ждать.

<http://tl.rulate.ru/book/2507/47225>